

Гипотеза фортификации столицы Казанского юрта в его последние дни

Ключевые слова: Казанское ханство, казанская крепость, взятие Казани в 1552 г., ворота крепости и посада, тарасы, туры.

Аннотация. На основе нового прочтения и сопоставления летописей, мемуаров А.Курбского, писцовых книг Казани 1565–1568 гг., планов города XVIII в. автор делает вывод о том, что в 1552 г. казанцы защищали собственно крепостные стены и к этому времени защитниками были уничтожены посадские стены. В статье также представлена авторская реконструкция расположения и локализация башен казанской крепости.

Изучение топографии и фортификации Казани в момент падения Казанского юрта имеет давнюю историю. Первая из дошедших реконструкций появилась уже четверть тысячелетия назад. Одни из них имели только графический вид, другие сопровождались многостраничными разъяснениями. Иногда гипотезы вызывали горячие споры, вплоть до скандалов между сторонниками противоположных взглядов. И что здесь примечательно: все авторы пользовались практически одним и тем же весьма ограниченным массивом источников. Но, по-разному прочитывая их, приходили к различающимся итогам.

Не останавливаясь далее на анализе всех известных реконструкций – вид и содержание наиболее привлекших внимание показали в своих статьях Ф.Ш.Хузина в «Гасырлар авазы» (май 1995) и А.Г.Ситдикова в сборнике статей «Казанское ханство: актуальные проблемы изучения» (Казань, 2002) – отмечу только, что чуть ли не единственным предметом внимания всех реконструкторов были трассировка стен укреплений Казани и положение в этих стенах ворот и башен. В чем же состояли принципиальные отличия этих реконструкций?

На ранних этапах реконструкций территория укреплений Казани представлялась очень значительной (**илл.1**). Трасса стен совпадала с трассой укреплений города в XVII веке, переходя на левую сторону Булака, а протяженность стен превышала 5,8 км. Но были и жесткие противники мнения о переходе стен за Булак.

В советское время утвердилась точка зрения об укреплении Казани, как считалось – крепости и посада, только с правой стороны Булака (**илл.2**). По этой версии укрепленная территория значительно сократилась, а протяженность стен составила порядка 5,1 км.

Тогда же появилась гипотеза об исключении из укрепленной части Казани Черноозерной впадины и района восточнее ее, а также о сдвиге южной границы с Рыбноярской долины до ул. Лобачевского (**илл.3**). Но и при таком сильном с востока на запад сужении укрепленной территории Казани сторонники этой гипотезы сосредоточивают главный фронт ее штурма 02.10.1553 года (стену с конкретными летописными воротами) вдалеке от ханской цитадели Царева двора – по линии ул. Лобачевского.

Версии о нераспространении посада Казани в первой половине XVI века восточнее Воскресенского увала придерживаюсь и я. На основании обнаруженного источника, в котором совершенно конкретно указана протяженность укрепления Казани в 1530 году в 3 версты и 350 сажен (ок. 3,95 км), а также трех точек, в которых археологически выявлены остатки этих укреплений, мною на Первых кремлевских чтениях (2008) представлен предполагаемый их контур [Саначин, 2010, с.147–160]. Но вот существовали ли эти укрепления во время осады и взятия Казани на рубеже 1552–53 годов? Полагаю, что нет.

Представляется, что доступный на сегодня массив источников¹ позволяет утверждать, что во всех описаниях последней осады и взятия Казани, составленных при жизни участников этого события, говорится о штурме **только укреплений городской крепости**.

Сомнение в наличии в этот момент каких-то еще укреплений порождает все те же, всеми используемые источники. Вот некоторые из вопросов:

¹ В данной работе не ставилась задача анализа всех источников по данной теме.

1) Как это ни странно, местные исследователи, на мой взгляд, преувеличивают военные способности нападавших и преуменьшают способности защищающихся. Например. Из ЦК известно, что наряд, башни и тарасы рубленные привезли с собой [ЦК, с.498], а «туры плести» [Повесть, с.17] начали 22 августа 1552 г. на месте. И за 1 ночь (с 25 на 26 августа) их поставили по Булаку, «*против пятницы в ночи...без бою здорово*» [ЦК, с.501]. Возможно ли такое сделать на протяжении почти 2 км (от Казанки до линии нынешних ул. Астрономической-Лобачевского), к тому же без боя (**илл.2**)? Думается, что нет.

2) То же самое по фронту Большого полка. Здесь была сделана большая крепость из больших туров – и также за 1 ночь: с 26 [там же, с.501] на 27 августа (27 числа государь уже послал М.Я.Морозова ставить здесь наряд [там же, с.503]). Возможно ли такое сделать по сильно пересеченной местности на протяжении более 1 км (от Булака до нынешней пл. Свободы) или по другим версиям – 750 м (от Булака до Черного озера)?

3) Поразительным выглядит одинаковое именование ворот крепости и ворот посада: (и там, и там: Царевы, Арские, Нагайские, Збойливые), хотя о таком дубляже не говорит ни один источник (**илл.1**). Наличие же одноименных Спасских ворот каменной крепости и деревянного острога впоследствии – что и сбивало исследователей, в частности, фундаментального Заринского [Заринский, 1884, с.74], объясняется фиксацией обоих концов главной улицы посада – Большой Спасской.

4) Чтобы как-то обосновать такой дубляж, выдвинута совершенно надуманная идея строительства самой первой в Казани церкви Нерукотворенного Спаса на месте, где стоял Иван Грозный: перед Царевыми воротами **посада** (!?) у современного памятника Бутлерову (из-за чего впоследствии ворота якобы были переименованы в Спасские), и затем переноса этой церкви в совершенно иное и отдаленное место, к существующим и сегодня Спасским воротам Кремля.

5) Если замкнут был не только посад, но и крепость, то какой смысл делать тяжелейшие подкопы для 2-х решающих проломов в отдаленной части посада и ставить уникальную «великую башню выше града» в районе пл. Свободы (или УНИКСа, или Ленинского сада)? Ну, проломили, ворвались, ведя тяжеленные бои, дошли до крепостных стен, что дальше? Как их преодолевать? Опять подкапывать и взрывать? Но об этом, об осаде второго рубежа, нигде в источниках нет и речи.

6) Удаленный разброс мест взрывов, решивших исход войны, в предыдущих реконструкциях (один – у Ленинского сада, другой – у пл. Тысячелетия, иногда называется и место Богоявленской церкви, надо полагать, из-за ее бытового названия в прошлом – церковь «У Проломных ворот») представляется абсолютно неразумным в военном отношении.

7) Почему государь, согласно ЦК, отзывал воеводу Воротынского с башни и стены, которую он и Плещеев-Басманов заняли 30 сентября, всего-то за два дня до конца войны? Ответа нет, если считать, что Воротынский занял отдаленную от цитадели башню посадских стен (у Ленинского сада): занял, так держись! При предлагаемой сейчас реконструкции ответ есть. Об этом чуть далее.

8) Бои за Казань начались с первого дня прихода армии Ивана Грозного (23.08) и велись непрерывно около 40 дней, причем часто с атаками со стороны защитников Казани. К штурму «*всем государь приказал готовится х третьему часу дни воскресения*», то есть – к 9 часам утра ² 2 октября 1553 года, и «*велел приступати, как...взорвет подкоп*» [ЦК, с.510]. Однако взрывы в подкопах произведены раньше: на восходе солнца [там же, с.511] (то есть в 6 утра. «*И тако великим звуком приступиша в первый час дни*» [Отрывок РЛ, с.312], то есть в 7 утра. «*Град же убо взял царь государь... в 5 час дни*» [Повесть, с.24].

Таким образом, бои **от начала штурма** длились всего 10 часов (10 часов называет и «История о Казанском царстве» [КИот, стлб.161]). При этом Курбский уточняет, что на захват стен со всех сторон и сечу в крепости **до Тезицкого рва** ушло «*четыре години и вящей*» [Курбский, 1986, с.252] – четыре часа или больше. Остальное время, включая «*полторы години*» [Там же, с.254] штурма Царева двора, ушло на последнюю часть битвы. Невозможно представить, чтобы за такое короткое время (около 5½ часа) был захвачен весь протяженный город с юга на север (от ул. Лобачевского до стен вдоль Казанки)! Да потом велись еще (около 4½ часов) бои у Царева двора и за Казанкой, вплоть до леса (в районе Гривки). Нельзя в такое поверить, потому как все источники говорят о жестоких боях во всех местах, три раза воеводы призывали государя прийти на помощь, а он все медлил, и те и другие «*на мног час стояще на копиях, ни единым поступившим*» [ЦК, с.512], при этом нападавшим приходилось ходить даже по крышам домов.

² 9 часов утра соответствует «3-му дня по старинному счету часов, сохранившемуся и теперь на востоке» [см.: Богдановский, 1898, с.51–52].

9) Один из подкопов велся с десной (восточной стороны Арских ворот) от Поганого озера. Приурочивая Арские ворота к месту памятника Бутлерову, авторы реконструкций Поганым озером считают либо озеро, бывшее на месте Ленинского сада, либо Черное озеро. Оснований для этого нет никаких. Более того, составители «Списка с писцовых книг по г. Казани с уездом 1566–1568 г.» помещают в этом районе отнюдь не Поганое, а Белое озерко.

10) Если (согласно «Царственной книге») Сторожевой полк стоял в устье Булака и отвечал за Муралеевы ворота, а полк Левой руки стоял против и отвечал за Тюменские ворота (и те и другие ворота согласно «Списку с писцовых книг по г. Казани с уездом 1566–1568 г.» – кремлевские), то не остается полка, который бы контролировал огромный фронт укреплений вдоль Булака – от кремля до ул. Астрономической-Лобачевского (илл.2). Что не могло быть допустимо стратегически.

На этом, опуская частные моменты, такие, как, например, несоблюдение авторами реконструкций указанной в источниках последовательности расположения ворот, можно отвлечься от критики существующих гипотез и перейти к новой версии местоположения укреплений Казани. Она базируется исключительно только на описаниях взятия Казани, созданных в пределах 10 лет от этого события и помещенных в русских летописях, на свидетельствах полководца Курбского и других участников той войны, а также на материалах Писцовых книг г. Казани 1566–68 годов.

Главное и отправное положение выдвигаемой версии о состоянии оборонительных сооружений (стен, ворот, башен) Казани рубежа 1552–53 годов – это **наличие их только по периметру крепости и отсутствие вокруг посада**.

Первым намеком на такое состояние выглядит не совсем ясная фраза Курбского в момент начала движения войска Ивана Грозного из лугов к Казани: *Град же видехом аки пуст стояц, иже а ни человек, а ни глас человекь ни един отнуд слышашеся в нем* [Курбский, 1986, с.236]. Естественно думать, что под градом Курбский здесь подразумевал весь видимый издали город, а не только его цитадель: нельзя же полагать, что при пустой цитадели Курбский видел не пустой, а с людьми посад на Воскресенском увале.

Пожалуй, ситуацию недвусмысленно проясняет текст «История о Казанском царстве»: *«Казанцы же сведаше приход самого царя и пожгоша сами посады (все около града³) своя, и впряташася со всеми статками своими во град»* [КИот, стлб.115]. Авторы предыдущих реконструкций, вероятно, полагали, что речь здесь идет о посадах за Булаком, за Рыбнорядским рвом, но никак не о районе Воскресенского увала, который традиционно, вместе с территорией современного кремля, считается самим городом.

Представляется, что переход всех защитников Казани в хорошо укрепленную цитадель было совершенно правильным решением. На юрт шел грозный противник, оснащенный богатым арсеналом технических средств и тактических приемов, усвоенных прародителями от монголов, и вооруженный тяжелой артиллерией, заимствованной с запада. Против трехкратно превосходящего по численности противника легче сосредоточенно защищать меньшую по площади, по периметру, с меньшим числом ворот, но лучше прочих защищенную часть Казани, причем защищенную не простым острогом, а городнями. На каждый метр стен цитадели в этом случае приходится больше наличного орудия и других средств защиты, особенно запасных тарасов.

Отсутствие укреплений посада (посада на Воскресенском увале) подтверждается самой идеей осады и штурма города. Уже через неделю после прихода атакующие начали (31.08) осуществлять главное дело всей стратегии – подкопы (№3 и №4)⁴ под стены града для их пролома взрывами. Руководил работой «Размысл Немчин» [Отрывок РЛ, с.310], «родом литвин» [Повесть, с.19]. И ни в одном из источников не говорится о каких-либо боях на Воскресенском увале. А о том, что эти подкопы были под стены именно цитадели (ныне – кремля), а не посадских стен, отчетливо говорят источники. Рассмотрим их.

Подкоп №3.

Отрывок РЛ: *«Есть бо подкоп в дву местах: един подкоп под стену от Поганого озера на углу под стрелнею на десной стране у Арских ворот, идеже ныне Спасския ворота именуются и храм у них во граде поставиша святых мученик Киприяна и Устинии девицы»* [Отрывок РЛ, с.310].

Это сообщение, почти продублированное в КИ, совершенно четко указывает если не место, то зону расположения угловой стрельни у Арских ворот (илл.11*). Подкоп начинался у Поганого озе-

³ Добавлено в редакции рукописного сборника Императорской Публичной Библиотеки.

⁴ Два первых подкопа были: под водяной тайник у Муралеевых ворот (подрыв 04.09) и под тарасы перед «Царевыми воротами Арскими» (подрыв 30 сентября).

* См. илл. 11 на форзаце 1.

ра, которое было с десной стороны у Арских ворот. Писцовые книги указывают нам на три Поганых озера. Одно из них – Нижнее – исключаем, поскольку оно было против церкви Николая Зарайского и тогда в Отрывке РЛ конечной точкой подкопа назывались бы Збойливые ворота.

В «Списке с писцовых книг по г. Казани с уездом 1566–1568 г.» место другого Поганого озера выясняется по цепочке: «...*Спаскою улицею от города с площади дворы по левой стороне*» [ПК, с.116]. Это соответствует десной стороне Спаской башни по описанию из Отрывка РЛ. Шестым от крепости вдоль улицы следует «...*двор князя Дмитрея княж Петрова сына Засекина... А от князь Дмитриева двора налево в переулке...* (в этом переулке всего 1 двор) *Да ис переулка х Поганому озерку...* (в нем 5 дворов). *Да у другога Поганова ж озера...*» [Там же, с.117]. Очевидно, что Поганое озеро соответствует известному нам Банному озеру.

Таким образом, подкоп №3 для взрывного пролома укреплений города должен был вестись от Поганова (верхнего) озера, то есть Банного, и «с восточных страны, под глубокою ону стремнину от Арского поля» [КИот, стлб.139]. Завершался подкоп №3 под угловой башней крепости, в соседстве с ц. Киприана и Устинии. Последняя находилась в крепости, в районе здания манежа. Предполагать ее перенос в какой-то момент от гипотетических Арских ворот посада в крепость представляется – как и в случае со Спасской церковью – совершенно невозможным.

В этом месте можно высказать предположение, что последняя война пришла на незавершенную стадию фортификационных работ по продлению Черноозерской ложбины до Нижнего Поганого озера и Казанки. Создание неприступного, полностью замкнутого восточного склона крепости и посада могло бы отдалить слабый южный рубеж далеко на юг, до линии ул. Лобачевско-го/Астрономической. Не было бы необходимости уничтожать укрепления посада, Наоборот, их можно было бы усилить. И тогда для защиты Казани и юрта можно было бы привлечь гораздо большую численность людей, которая в реальности не могла развернуться в ограниченном пространстве крепости (т.н. проблема «лишних ртов»).

Подкоп №4.

«Отрывок Русской (Новгородской) летописи» гласит: «...а другой подкоп на углу же под стрелнею от Булака стрелбицо, по левую сторону [Арских ворот], туто были Нагайския ворота, ныне же зарешены от пеших людей» [Отрывок РЛ, с.310]. Почти аналогичный текст в КИ: «а другии подкоп на углу же, под стрелнею, от Булака стрелбица по левую страну [Арских ворот]. – То были Нагайския ворота, ныне же зарушены» [КИрм, стлб.433].

То, что эти Нагайские и Арские ворота были не где-то в укреплениях посада, а в стенах крепости, проясняет «Список с писцовых книг по г. Казани с уездом 1566–1568 г.»: «Внутри же города Казани меж городовых ворот Спаских и Сергиевских подле городовую стену против наугольные стрельни, где был большой подкоп, монастырь Спаской» [ПК, с.86].

Расположение южных укреплений не в районе улиц Астрономической и Пушкина, а в районе южной части нынешнего кремля подтверждает Курбский: «А з другую сторону, яже с Арского поля, откуда подкоп взорвало, и царь казанский з двором своим, уступя аки в половину места, застоновился на Тезицком рве» [Курбский, 1986, с.252].

Местоположение Тезицкого рва с северной стороны Консистории (а не с южной стороны Спасской башни) ныне, как кажется, уже не вызывает сомнений. Его отчетливо показывают составители «Списка с писцовых книг по г. Казани с уездом 1566–1568 г.»:

– «Да архиепископу ж отмерили под конюшеннои двор пустово порозжево места...за мостом: Дмитриевские улицы у Тезицкого врага на взгорке, меж мосту и годовальщиковых дворов, от Большие улицы к Дмитриевским воротам по правои стороне» [ПК, с.103];

– «меж Воскресенских и Николских ворот от городовые стены через царев старои двор и от двора Болюю улицею прямо мимо государев двор до Спаских ворот в длину..., а поперег меж Преображенских и Николских ворот от городовые стены от круглые деревянные башни по Тезицкому врагу до другие городовые деревянные стены до Дмитриевских ворот...» [там же, с.60].

Видно, что Тезицкий ров пополам делил не Воскресенский и Кремлевский увалы вместе взятые, а только территорию нынешнего кремля (илл.2). Становится ясным, что царь казанский «уступил половину места» крепости, а не всего города.

Итак, проясняется естественная и эффективная стратегия штурма. Налицо очень четкая и оптимальная схема выбора мест решающих подкопов для двух практически одновременных взрывов 02.10.53 г. А именно: с обоих флангов главного (южного) фронта атаки по единственно равнинному подходу к крепости, в самой узкой части Кремлевско-Воскресенского увала и фактически напротив друг друга. В этой связи трудно понять: как могли практически все исследователи (в их

числе и военные инженеры!) предполагать места обоих, решивших исход всей кампании подрывов стен – причем произошедших всего за несколько часов до окончания долгой, изнурительной для обеих сторон осады, – не в обхват или на подступах к конечному пункту (Цареву двору), а в разнорядности: один рядом, а другой за 1 км от цели?

Более понятным становится и уход всех защитников в крепость, дабы не быть разделенными на две части в естественном месте атак – в тонкой шее крепости и посада.

Следующий вопрос настоящего исследования касается положения упоминаемых в источниках ворот, как мы выяснили – ворот крепости. Их количество – 9 – выводится из текста ЦК и напрямую подтверждается в КИ: «и едином часом мало трудни деветеры врата града изломииша» [КИот, стлб.154].

Сначала о последовательности ворот. Она (по часовой стрелке) следующая (в скобках приведены различия в написании и в наименовании одних и тех же ворот в разных источниках):

Таблица №1.

Ворота Казанской крепости во время осады 1552–1553 гг., их защитники и штурмовики

Полки и их воеводы, атакующие конкретные ворота	кол-во	Ворота крепости (с вариантами названий по разным источникам)	Предполагаемые главные капуджи
<i>Большой полк</i> князь Иван Федорович Мстисловской, князь Михаил Иванович Воротыньской. С ними: царь Шигалей, князь Юрей Андреевич Пенинский-Оболенской, князь Алексей Данилович Басманов-Плещеев, князь Петр Васильевич Морозов, казначей Фома (Петрович) Петров и др.	1	Царевы (Царевые Ар(ь)ские, Царские)	Царь Едигерь-Магмет ²
	2	Арские (Арские)	
	3	Аталыковы (Талыковы, Нагайские)	Чапкун князь (Отучев?), аталык ²
<i>Полк левой руки</i> князь Дмитрий Иванович Микулинской, князь Дмитрий Михайлович Плещеев.	4	Тюменские (Нагайские)	Аликей Нарыков князь или Дербыш князь ³
<i>Сторожевой полк</i> князь Василей Семенович Серебряной, князь Семен Васильевич Шереметев.	5	Муралевы	Ширин-Муралей князь, Булатов сын ²
<i>Полк правой руки</i> князь Петр Михайлович Щенятев, князь Андрей Михайлович Курбской.	6	Елбугины (Водяные, Нижайшие, Самые нижние, Царевы)	Аликей Нарыков князь или Дербыш князь ³
не атакованы	7	Крымские	Карамыш улан, Кудайгу уланов сын ¹
<i>Ертоул</i> князь Юрей Иванович Шемякин Пронской, князь Федор Иванович Трокуров.	8	Збойлевы (Збойли(о)вые, Нижние, Нагайские, Избойлевы)	Зейнеш князь Нагайской ¹
<i>Передовой полк</i> князь Иван Иванович (Турунтай) Пронской, князь Дмитрий Иванович Хилков.	9	Кабатцкие (Кабатцкие, Кебековы)	Кебек князь Тюменской ²

Примечания:

1. Прямое указание Царственной книги.
2. Большая вероятность.
3. Гипотетически.

Тут может возникнуть сомнение в необходимости такого большого количества ворот всего лишь для крепости. Оно возникает из соображения, что ворота уменьшают защитные свойства крепости, и из видения их непременно башенными и сложными архитектурными сооружениями. Возражения здесь следующие:

В части необходимости. Судя по «Списку с писцовых книг по г.Казани с уездом 1566–1568 гг.» и археологическим исследованиям, сетка кварталов в крепости XVI века была более мелкой, чем ныне. Улиц и переулков было соответственно больше, что может предполагать и большее количество выходов из крепости. Например, в Аталыковы ворота могла вести улица, которая видна еще и в «Списке с писцовых книг...» как идущая параллельно Большой продольной улице крепости, вдоль западных стен. Там же показываются и «задние ворота» [ПК, с.102] государева двора, исчезнувшие еще до XVIII века.

В части обороноспособности. История осады крепостей показывает единичность случаев результативного штурма ворот. Как правило, они брались не штурмом, а хитростью. В те времена вообще оборона имела перевес над атакой. Но ворота у казанцев имели еще и эффективную систему защиты. Она предусматривала установку с их внешней стороны скобки тарасов – таких же, что стены и ворота, «великих срубов», засыпанных землею и камнями (илл.4). По сообщению так называемой «Царственной книге», у них «у всяких ворот за рвом тарасы великие, землю насыпаны» [ЦК, с.508]. Эти своего рода захабы в системе защиты каменных стен закрывали ворота от обстрела их стенобитным боем и могли при разрушении довольно оперативно чиниться или заменяться. Срубы, засыпанные землей, ставились и внутри крепости против пробитых в стене и воротах мест. Их можно считать первообразами будущих ретраншементов.

Постановка перед воротами скобок тарасов в деревянно-земляных укреплениях казанцев являлась своего рода интерпретацией системы древних каменных предворотных полукруглых стен – вэн чэн, применявшейся китайцами и принесенной в Поволжье монголами (илл.5). В китайской же традиции «расстояние между башнями было обычно 30–80 м, для гарантированного перекрытия этого расстояния стрелами с двух сторон» [Храпачевский, 2005, с.228].

Защитные тарасы просматриваются на ряде миниатюр «Лицевого летописного свода» как в Казани [ЛЛС–21, с.374, 376, 379, 380, 387–389], так и у острога Высокой горы [ЛЛС–21, с.361–364].

При осложнении ситуации казанцы, по сообщению «Истории Казанского царства», вообще запечатывали свои ворота: «И начаша Казанцы крепити град, и застениша вси врата граду камением и землею и запрошася...» [КИот, стлб.131]. Теперь уже вылазки из крепости и из-за тарасов осуществлялись под землей. Для этого казанцы: «рвы копающе под врата городицкие, и под стену и рыюще норы под тарасы» [ЦК, с.507–508]. Норы, в отличие ото рвов, вероятно, представляли собой наклонные выемки в грунте под чем-либо.

Изложенная система защиты ворот оказалась столь эффективной, что источники ни разу не говорят об их взятии в дни осады. Даже (06.09) «Арские ворота до основания збиша» [там же, с.506], но не захватили; те, вероятно, оказались заваленными. Только в штурм (02.10) «единем часом мало трудни деветеры врата града изломиша» [КИот, стлб.154].

И, наоборот, по воспоминаниям Курбского ощущается, что преодолевать ворота сначала нападавшим, а затем и защитникам было сложнее, чем стены. Так, воины Правой руки сначала заняли великую башню и только потом «из башни сметавшись во врата великие градные» [Курбский, 1986, с.250], то есть – Елбугины. А когда оказавшиеся среди нападавших «корыстовники» (мародеры), испугавшись натиска защитников, ударились в бегство из крепости, то «во врата многие не попали, но...через стену метался» [там же, с.252]. В свою очередь и последним защитникам Казани проще оказалось отступить не через Елбугины ворота, которые снаружи стерегли воины Правой руки, а через стену: «не поидоша...во врата, но абие поидоша с стены просто чрез Казань-реку» [там же, с.257].

Теперь о расположении ворот. Реконструкция их местоположения дается на плане Казанской крепости для облегчения представления. На самом же деле, будучи составленной на основе только

текстовых источников, она должна пониматься лишь как схема, правильность которой может быть установлена лишь с проведением археологических разведок на ее основе. Итак:

Тюменские ворота (илл.11).

Это те же ворота (или на том же месте), что и впоследствии Сергиевские: (составители «Списка с писцовых книг по г. Казани с уездом 1566–1568 г.» сообщают: «*Внутри же города у Тюменских ворот, что ныне Сергиевские ворота, церковь Сергия чудотворца да теплая церковь Живоначальные Троицы*» [ПК, с.85]).

Они были со стороны Булака («Отрывок Русской (Новгородской) летописи» сообщает: «*И обступиша град великою силою: и ... и от Булака, идеже стояла левая рука и сторожевой полк, идеже ныне именуется Сергиевские ворота и храм стоит у ворот внутри града во имя его; и ти приступиша ко граду*» [Отрывок РЛ, с.310]).

Они были севернее Преображенских ворот. Авторы предыдущих реконструкций отождествляют Сергиевские ворота с Преображенскими. Это представляется неверным, поскольку в «Списке с писцовых книг по г. Казани с уездом 1566–1568 г.» упоминаются и те и другие ворота, **в одно и то же время.**

Затуманивает ситуацию другое, уже упомянутое сообщение в «Списке с писцовых книг по г. Казани...»: «*Внутри же города Казани меж городских ворот Спаских и Сергиевских подле городовую стену против наугольные стрельни, где был большой подкоп, монастырь Спаской*» [ПК, с.86]. Почему его составители, зная о Преображенских воротах, помещают Спасский монастырь между Спаскими и Сергиевскими воротами, а не между Спаскими и Преображенскими? Объяснением этому можно посчитать то, что в «Списке с писцовых книг по г. Казани ...» в данном случае под монастырем подразумевается как собственно монастырский двор, так и конюшенный двор Преображенского монастыря и с приписанным к монастырю «пространством порозжего пустого места меж тюрем» [там же, с.105–106]. А и те, и другие находились через переулок севернее собственно монастыря – между Преображенскими воротами и Пятигранной башней на планах XVIII века.

Исходя из изложенного, место Тюменских ворот должно быть севернее известных нам Преображенских ворот, **на ближайшем расстоянии** от церкви Сергия чудотворца. Таким местом является зона Пятигранной башни.

Муралеевы ворота (илл.11).

Их местоположение сообщает «Царственная книга»: «*тайник от Казани от реки у Муралеевых ворот ключ в берегу, а ходят к нему по подземелью*» [там же, с.506]. Одновременно с этим они должны быть в устьевой части Булака и быть ориентированными на него, поскольку именно в низовьях Булака их контролировал Сторожевой полк, а не полк Правой руки, отвечавший за стены вдоль Казанки. Описывая «разрядство» приступа, «Список с писцовых книг по г. Казани ...» сообщает: «*А в Муралеевы ворота (Государь велел приступати. – С.С.) воеводе Семену Васильевичю Шереметеву; а помогати боярину князю Василью Семеновичю Серебреному*» [там же, с.510], – обоим воеводам Сторожевого полка.

То, что Булак того времени протекал вблизи крепости, подтверждают и Курбский: «*под самое место течет и впадает под угловую вежу в Казан-реку*» [Курбский, 1986, с.236], и «История о Казанском царстве»: «*Булак река, в Казань реку под градом втекает*» [КИот, стлб.119]. Остатки долины старого Булака можно частично проследить на планах XVIII века.

Наконец, напрашивается вывод, что место их у Тайнишной башни – зачем бы иначе ее так называть? Но не у нынешней Тайницкой, которая ранее всегда именовалась Никольской, а у реальной – «Тайнишной проезжей башни» [Кунцевич, 1906, с.33] посада XVII века. Последняя же находилась на пересечении створов северной стены кремля и ул. Баумана – западнее нынешней Тайницкой башни.

Здесь стоит заметить, что и местные историки, и издатели открыток начала XX века называют Тайницким другой ключ, существовавший восточнее нынешней Тайницкой башни. Но это – ошибка. На планах Казани XVIII века он поименован просто – **ключ**, в отличие от ближайших к крепости ворот посада – **Тайнишных**. Это – один из ключей на склоне Казанки, который сначала образовал небольшой залив, а затем был превращен в благоустроенный родник. К тайному ключу защитников Казани он – сильно удаленный от Булака – не имеет никакого отношения. Наконец, не исключено, что под тайником подразумевался не сам ключ, а резервуар при нем. На это намекает Пи Лет: «*И стали копати...под ысток, где тайник водяной*» [Пи Лет, с.187].

4 сентября «внезапу от подкопу взорвало тайник ...и стена городная оплела и обрушилася», – сообщает Царственная книга [ЦК, с.506]. Курбский добавляет, что «*под вежу великую и под тайники подкопано, откуда они на вес град воду брали*» [Курбский, 1986, с.248]. Видно, что подкоп велся не к «ключу в берегу», а к началу «подземелья» у крепости. Вместе со стеной оплела (выгорела) и обрушилась «угловая вежа великая», под которую вел подкоп. С разрушением тайника, стен и башни здесь, должно быть, разрушился и кремлевский склон.

ЦК весьма сдержанно добавляет, что «*многое же воинство...на градных стены и в самый град скакаху*» [ЦК, с.506]. Отсутствие каких-либо еще сведений об этом участке осады вплоть до штурма 2 октября свидетельствует о том, что защитники сумели остановить прорвавшихся в брешь стены около этих ворот.

Взрыв тайника, надо полагать, не задел Муралеевы ворота, которые могли быть не вплотную к угловой башне. Вероятно, по этой причине и ввиду меньшего количества здесь трупов именно Муралеевы ворота были выбраны для въезда Ивана Грозного в Царев двор побежденной Казани. Предполагаемое место Муралеевых ворот видится по направлению к входу в Царев двор, недалеко от нынешней Северо-Западной круглой башни.

Елбугины ворота (илл.11).

Они располагались в месте примыкания Верхней восточной стены кремля к Северной башне [Подробнее об этом см.: Саначин, 2006, с.66–71]. Перестроенные в камне Елбугины ворота видны на «Чертеже казанском» (1690-е гг.) (илл.6). Видно, что «*перед враты*» – если смотреть с правого берега Казанки, где стоял полк Правой руки Курбского и Щенятева – стоит великая башня в полугоре между Казанкой и Царевым двором. Об этом поведал сам Курбский в воспоминаниях [Курбский, 1986, с.250].

Збоилевы ворота (илл.11).

«*В городе ж у Збоиловых ворот, что ныне Дмитриевские ворота*», – весьма определенно говорит «Список с писцовых книг по г. Казани с уездом 1566–1568 г.» [ПК, с.82]. «Отрывок Русской (Новгородской) летописи» делает уточнение: «*Збойливые ворота, ныне же зарушены*» [Отрывок РЛ, с.313]. Как и Елбугины ворота, они находились в Верхней восточной стене (илл.6). «Зарушены» были, надо полагать, в связи с расширением территории кремля посредством строительства Нижней восточной стены и упразднением Верхней восточной стены. Перестроенные в камне тоже безбашенные Збойлевые ворота также видны на «Чертеже Казанском». Не исключено, что охранная башня (или башни) стояла сбоку, поскольку положение этих ворот приходится на (или вплотную) Тезицкий ров.

Безбашенными Збоилевы ворота изображены и в «Лицевом летописном своде» [ЛЛС–21, с.383] (илл.7).

Крымские ворота (илл.11).

29.08 государь повелел Ертоулу и Передовому полку, которые отвечали за низинную часть приступа (между Казанкой и Воскресенским увалом, на котором дислоцировался Большой полк), туры ставить. «*И поставиша туры, от больших туров, что Князь Михайло ставил по Казань реку против Кабатицких ворот, да Избоилевых ворот, да и Крымских ворот, и Елбугиных ворот*», – с разъясняет последовательность положения ворот со стороны Арского поля «Царственная книга» [ЦК, с.504]. Из-за положения между Елбугиными и Збоилевыми воротами можно думать, что Крымские ворота были непосредственными воротами Царева двора. Поэтому они, вероятно, были наглухо закрыты казанцами, и мы лишь один раз встречаем в ЦК упоминание о вылазке 27 августа из них Карамыш улана, «*те же бе ворота ему приказаны*» [там же, с.503]. По этой причине и ввиду Нижнего Поганого озера под ними эти ворота не вошли в план решающего штурма.

Н.Калинин тоже предполагал наличие восточных ворот Царева двора, назвав их условно – Дворцовыми [Калинин, 1955, с.120, рис.5]. Не исключено, что эти ворота (если не весь Царев двор) построены крымцами при Сафе-Гирее или в правление Кошак, бывшего начальника ханской гвардии. В любом случае факт защиты главной резиденции крымцами в 1550 году подтверждает «Александро-Невская летопись»: «*и приходили Чюваша Арская з боем на Крымцов...Пришли на царев двор, и Крымцы Кошак-улан с товарищи с ними билися и побили Чювашу*» [А-НЛ, с.163].

Любопытно, что в ряде миниатюр ЛЛС царев двор показывается в виде кольца. И именно из такого же кольцевого сооружения показывается выход Карамыш-улана из Крымских ворот [ЛЛС–21, с.315] (илл.8).

Кабакские ворота.

Они самые южные в Восточной стене крепости. Их положение неясно, никаких вылазок из них источники не показывают. Может быть, это те же ворота, что в КИот названы Кебековыми. В таком случае их защита была поручена «Кебеку-князю Томеньскому» [ЦК, с.498] (Тюменьскому).

Царевы, Ар(ь)ские и Аталыковы ворота (илл.11).

Это ворота со стороны «приступных мест», взятие которых было заботой Большого полка. ЦК показывает подкоп (№4) «*промежь Аталыковых ворот и Тюменских*» [там же, с.505]. Но мы уже выяснили, что этот подкоп был под наугольную стрельню и что Тюменские ворота обращены в сторону Булака, на запад. Отсюда следует, что Аталыковы ворота обращены на юг, то есть за углом от Тюменских. Вместе с Арскими и Царевыми воротами они стояли на «стремнине» (обрывистый ров), которой казанцы в фортификационных целях разрезали Кремлевско-Воскресенский увал. Царственная книга называет параметры этого рва: «*ров трех сажень поперег (6,48 м), а глубина рву семи сажень (15,12 м)*» [там же, с.508]. Столь значительные величины, причем совершенно совпадающие с габаритами южных же стен крепости (см. ниже), представляются ошибкой составителя ЦК.

Через этот ров у каждых ворот были мосты, облегчавшие проведение контратак.

КИ при описании места расположения Ивана Грозного тоже показывает Царевы, Арские и Аталыковы ворота как сгруппированные – «*противу троих врат Арских*» [КИот, стлб.117]. Таким образом, если соблюдать последовательность описаний в летописях, эта тройка Арских ворот располагалась в таком порядке (справа налево): Царевы – Арские – Аталыковы (илл.9).

Из ЦК следует, что Арские ворота и Арская башня – разные сооружения: туровая линия устроена «*против баиты Арские и Арских ворот*» [ЦК, с.508].

Для прояснения некоторых фортификационных моментов рассмотрим хронологически события, изложенные в ЦК и связанные с этими тремя башнями:

– 26 августа против стены с этими тремя воротами воевода Большого полка князь Михайло Иванович Воротынский поставил большую крепость – «*утвердиша туры, и землю насыпаша за 50 сажень (108 м) от города, от реки от Булака и по ворота, ...с приступных мест*» [там же, с.502]. Здесь, с Арской стороны, у казанцев была самая мощная стена «*в толстоту 7 сажень (15,12 м) и прекопана около ея стремнина велия, глубока*» [КИот, стлб.120]. Надо полагать, что стена эта была построена в два слоя городней. В остальных местах «*толщина же градная от рек от Казани и от Булака, трех сажень (6,48 м), и те бо места ратным неприступныи*» [там же, стлб.119];

– 27 августа сюда прикатили «большой наряд» (тяжелую артиллерию под началом М.Я.Морозова) и начали обстрел «*стенобитным боем и верхними пушками огненными (мортирами)*» [ЦК, с.503]. Отрывок РЛ называет стенобитные пушки – «Колцо» и «Ушатая» (с ядрами в 6 пудов) и, вероятно, мортиры – «Змей летячей» и «Змей свертной» [Отрывок РЛ, с.312]. Небезынтересно, что пушка «Ушатая» участвовала еще в Ливонской войне 1577 года⁵, а железные ядра, колеса и стан «Змея свертного» упомянуты в «Списке с писцовых книг по г. Казани с уездом 1566–1568 г.» [ПК, с.51, 57, 58] среди имущества «городового наряда» Казани. Возможно, что и другие перечисленные орудия «городового наряда» оставлены здесь со времени завоевания города – «Сокол», «Сокол свертный», «Львова голова» и «Грановитая»;

– 31 августа с западного и восточного флангов туровой линии начали вести подкопы под стены;

– К 6 сентября от непрерывной пальбы центральные «*Арские ворота до основания збиша*» [ЦК, с.506]. Но к концу месяца защитники «*ставя трубы против тех ворот, и пробитых мест и землю насыпаху*» [там же, с.509];

– Остальные двое ворот оставались целыми. Тогда около 17 сентября дьяк царя Иван Выродков у тур Воротынского, против Казани Царевых ворот, поставил засыпанную камнями и землей «*баишту ити сажень вверх, и вознесли на нее много наряду*» [там же, с.506], – «*выше града*» [КИрм, стлб.425]. «*Близу рва*», – уточняет Курбский [Курбский, 1986, с.248]. Обстрел с башни принес огромный урон казанцам;

– Между 25–30 сентября Воротынскому поручено было подвинуть туровую линию к «*их рву (глубиной 15, шириной 6,5 м) против баиты Арские и Арских ворот к тарасом против Царевых ворот...Князь Михайло туры по рву поставил, а до тарасов не придвинул*» [ЦК, с.508]. Данное сообщение ЦК показывает, что Арские ворота (как и Елбугины) были не башенными и что Царевые ворота оказались наилучшим образом укрепленными посредством великих тарасов между воротами и рвом;

⁵ Об этом сообщает П.Г. Заринский со ссылкой на Башмаковскую разрядную книгу [Заринский, 1877].

– 30 сентября был сделан подкоп под тарасы Царевых ворот и, взорвав их, утвердили туры по всему рву с заворотом до Тюменских ворот. Началась спонтанная, без общей команды, атака: зажгли стены, ворота и мосты и «*в башне утвердишася, и на стенах градуцких, и у Арских ворот*» [там же, с.509]. Это были воеводы Воротынский и Алексей Данилович Плещеев-Басманов, которые, заставившись крепкими щитами и турами, «*сидящее на граде два дни и две ночи, ожидая приступу*» [там же, с.509]. Столь длительное стояние во вражеской башне можно объяснить, помимо прочего, расположением этой башни между завалами, образовавшимися от разбитых Арских ворот и взорванных тарасов при Царевых воротах. Затем по приказу государя с большой неохотой воины отступили. Отступление, думается, было приказано не в связи с неготовностью других полков к штурму, как это объяснялось, а потому что тут, рядом, вскоре должно свершиться главное действие всей стратегии нападавших – взрыв подкопа. А на месте взрыва не должно быть не только людей, но и «*отволочен снаряд стенобитный*» [Отрывок РЛ, с.312]. Именно в пролом от этого взрыва приказано было идти Воротынскому и Плещееву-Басманову;

– 2 октября произведены взрывы в обоих главных фланговых подкопах, «*градская стена подкопом вырвана*» [ЦК, с.511].

Теперь остается выяснить положение южной приступной стены с тремя Арскими воротами. Источники о положении южных стен татарской Казани говорят при описании 3-го и 4-го подкопов (в порядке их взрывов). Вспомним еще раз сообщение из «Отрывка Русской (Новгородской) летописи», описывающего события, происходившие **не позднее 1553 года**, то есть – по горячим следам: «*Есть бо подкоп в дву местах: един подкоп под стену от Поганого озера на углу под стрелнею на десной стране у Арских ворот, идеже ныне Спасския ворота именуются и храм у них во граде поставиша святых мученик Киприяна и Устинии девицы; а другой подкоп на углу же под стрелнею от Булака стрелбищо, по левую сторону, туто были Нагайския ворота, ныне же зарешены от пеших людей*» [Отрывок РЛ, с.310].

Из этого следует (илл.11):

- что оба подкопа сделаны с двух сторон от центральных ворот южных стен крепости;
- что линия южных стен (как минимум с десной стороны от Арских ворот) проходила у церкви Киприана и Устинии;
- что и в 1553 году, после взятия Казани, за 12–15 лет до составления писцовых описаний южные стены еще оставались на старом месте, но Арские ворота переименованы в Спасские.

Положение южной линии стен у церкви Киприана и Устинии поддерживается и Данной Я.В.Безсонова игумену Казанского Троице-Сергиева монастыря Лариону (между 09.1553-08.1554) на двор в городе Казани у Спасских ворот возле церкви Киприана и Устиньи: «*дал...двор свой в Казани внутри городе у Спаских ворот, идучи в город направо, у Киприяна и Устиньи*» [Каштанов, с.24–25].

Оба изложенные указания на церковь Киприана и Устинии отодвигают южную линию крепостных стен на север относительно современной южной стены. Вероятно, именно этот южный фас стен упоминается в «Списке с писцовых книг по г. Казани ...»: «*Да в городе на Большой улице от Спаских ворот близко старые городские стены церковь Киприяна и Устины*» [ПК, с.81]. И не исключено, что именно их, «*отступя 5 метров от Киприановской церкви*» на юг обнаружил в 1928 году археолог И.Бороздин, трактуя их в качестве «*первичной кремлевской (крепостной) стройки*» [Бороздин, с.38–39].

Расположение южных стен Казанской крепости во время осады – севернее ныне существующих – косвенно подтверждается местоположением другой церкви – Спасской. Так, ЦК показывает, что «*повеле благочестивый царь...церковь поставити повеле Нерукотворенный образ Господа нашего Иисуса Христа на том месте, где знамя царское стояло, во время взятия градского*» [ЦК, с.514] (илл.10). Речь идет о деревянной церкви, которую при перестройке в камне сделали надвратной. «Отрывок русской (Новгородской) летописи» уточняет: «*за городом, у Арских ворот*» [Отрывок РЛ, с.314]. «История о Казанском царстве» добавляет: «*и повеле царь, не двигши своя хоругви, около ея копати на месте том святую церковь, во имя нерукотворенного образа Господня – единым же днем поставлена бысть и освящена*»... «*за градом, на пожаре, противу врат градных, на торговище*» [КИот, стлб.170], «*в 5 день в среду*» [Повесть, с.24].

«*Не двигши своя хоругви*» – таким образом, по намерению царя, Спасская церковь должна стать своего рода памятником взятия Казани. И при расширении территории крепости на юг и начавшемся в 1556 году строительстве каменных стен псковскими мастерами во главе с государевым

дьяком А.Ф.Шершнем Билибиным⁶ надвратная каменная Спасская церковь непременно должна была встать на место деревянной. Расстояние между современной южной стеной и южной стеной, бывшей во время осады Казани – около 120 м. Оно соответствует верхней планке стрельбища (убойная сила стрелы в 50–120 м), что делало положение Ивана Грозного перед решающим штурмом относительно безопасным.

Наконец, перемещение после 1552 года южной стены крепости просматривается через первые поручения Ивана Грозного, которые, надо полагать, исполнялись, а также через начальную историю Спасо-Преображенского монастыря:

1) Первым делом по повелению государя первые Казанские воеводы А.Б.Горбатый-Шуйский и В.С.Серебряный-Оболенский исправили и надстроили старую Казанскую крепость: *«и стены градныя, и разбитыя и горелыя, государь наздати повеле»* [КИрм, стлб.470]. («Наздати», в отличие от «строити» – означало надстраивать, переделывать). Значит, первое время после взятия южные стены оставались на своем месте и были деревянными.

2) Весной 1553 года, также по повелению государя, стали строить каменную крепость, расширяя территорию на юг: *«И разрушенная места и паки повеле царь князь велики поровняти, и воставити, крепце заздати и боле старого прибавити града, и место разширити на здание каменного града и поча по весне того же лета строити каменный град и церкви в нем болюшие»* [КИот, стлб.169]. Но – только-то и начали, поскольку известно, что это расширение выполнили лишь в 1556⁷ – 1562⁸ годы. Ставшие ненужными старые стены, скорее всего, разобрали или использовали в новом месте.

3) Тогда же, еще до отъезда Ивана Грозного из Казани, были построены пять церквей – как прославление событий штурма города. Об этом скрупулезно рассказывает Ки. Сначала в описании перечисляются поставленные церкви **во граде** (Благовещенская, Воскресенская, Киприана и Устиний), затем следует церковь **за градом** (Спасская) и за ней: *«пятую же [церковь поставили – С.С.] великого чудотворца Николы монастырь общежител(ен)»* [КИот, стлб.170]. По тогдашнему характеру письма пятую церковь следует видеть тоже **за градом**.

Таким образом, пятой по счету стала деревянная церковь в монастыре – или Никольская, или в Никольском монастыре. Этот монастырь с приходом архимандрита Варсонофия в 1555 году переименован или слился с новым – Спасским монастырем. Устав последнего написан был *«у всемилоствиваго Спаса боголепнаго его преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, и великаго чудотворца Николы ратнаго, во общий монастырь»*⁹. И уже Варсонофием *«почет бысть монастырь строити, кельи и ограда, и всякое строение монастырское»* [Платон, 1782, с.4]. В перечислении объектов нет обеих церквей, которые уже существовали.

4) Из перечисленного следует, что если при составлении Писцовых книг территория Спасского монастыря была «внутри города», то до весны 1553 года она находилась «за градом».

В заключение нужно заметить, что татарские историки, настойчиво ищущие следы каменной крепости Казани рубежа 1552–53 годов, напрасно полагают, что каменные стены на тот исторический период совершеннее деревянных. Наоборот! Реально возможные в то время по толщине каменные стены разбивались тогдашними новейшими орудиями, тогда как в толстенных городнях, засыпанных камнями и землей, ядра застревали. Казанская крепость являлась неприступной твердыней. Сами защитники были уверены в ее неприступности. Они *«не бояхуся никого же, аще и вси царства околная совокупльшася восстанут и подвигнутя на них, крепок бо бе град их»* [КИот, стлб.120]. И на сей раз они *«мнящи тако отстоятися, яко и преже сего избываху многажды»* [там же, стлб.131].

И действительно, нападавшие били-били денно и ночью 40 дней по крепости *«и ни в чем же град не вредиша; но яко великая гора каменная твердо стояше град и неподвижимо... И недомыслихуся стенобитныи боицы, что сотворити граду»* [там же, стлб.133].

Тогда иностранные специалисты, бывшие в армии Ивана Грозного, предложили ему новые методы взятия крепостей, которые «преже нихто на Руси видал» – минные подкопы под стены

⁶ Видно из грамоты 15.12.1556 г. царя Ивана Грозного в Великий Новгород, обязывающей новгородские власти помочь псковским мастерам *«к весне, в Казани новой город Казань камен делати»* [Дополнения, 1846, №82, с.136].

⁷ Согласно записи из сборника Иосифо-Волоколамского монастыря №134 «Тогож 7063 лета начали города прибавляти в Казани; повели стену каменную» [Елисеев, 1847, с.66, прим.11]

⁸ Седов полагает годом окончания строительства нового каменного города 1562 год [см.: Седов, 1996, с.176].

⁹ Из приписки 1556 г. к Типику (уставу) монастыря [см.: Платон, 1782, с.3].

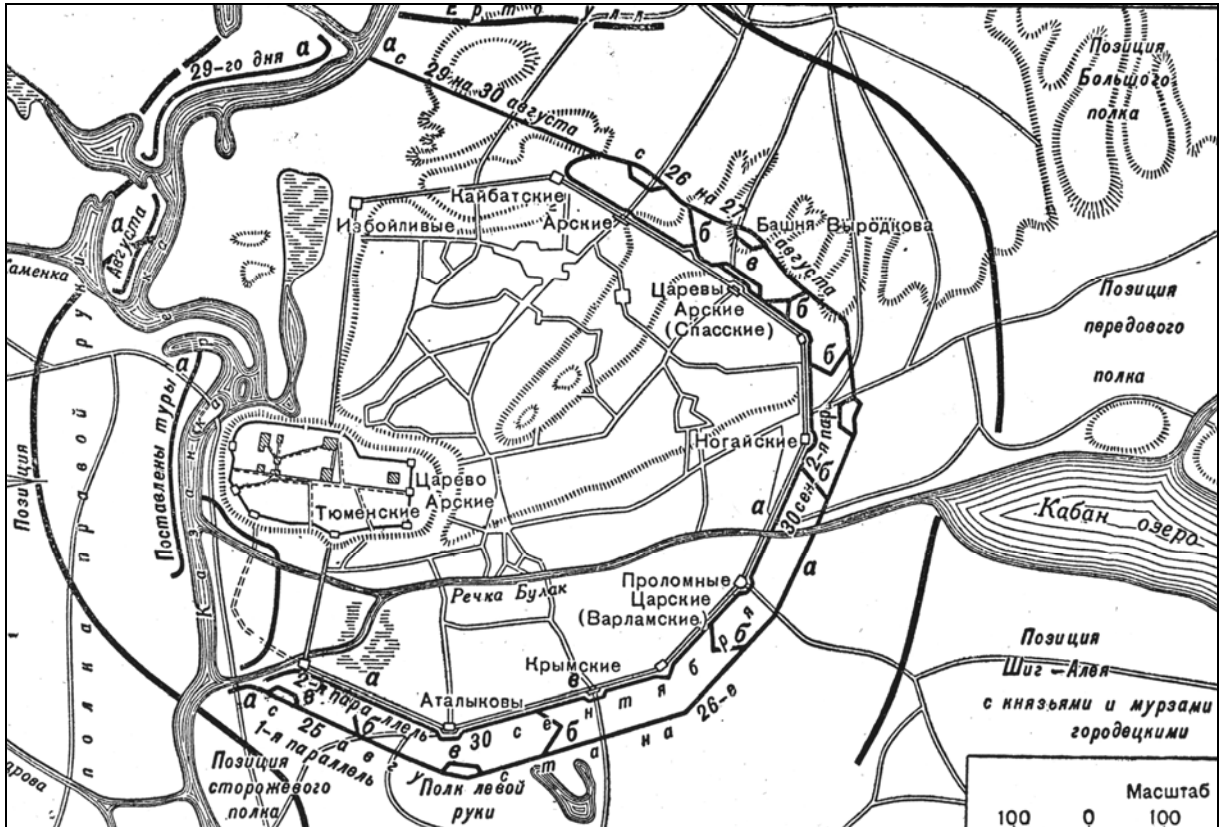
крепости. Они сделали вывод, что *«аще не тако, или гладом выстояти его: то и не возмется иначе ничем же град сей»* [там же, стлб.139]. И весьма устойчивым, и по сути – верным, стало заключение, что Иван Грозный Казань подкопом взял.

Конфигурация стен укреплений Казани на рубеже 1552–53 годов, безусловно запечатленная в бумагах призрачной библиотеки Ивана Грозного, конечно же, в нюансах отличалась от представленной в настоящей работе. Так, КИ прямо показывает, что град *«согражден в семь стен»* [там же, стлб.119], то есть – в семь прясел. Но принцип выдвигаемой гипотезы реконструкции, опирающийся исключительно на письменные источники, не позволяет выдвигать какие-либо соображения о поворотах прясел стен, кроме названных выше четырех.

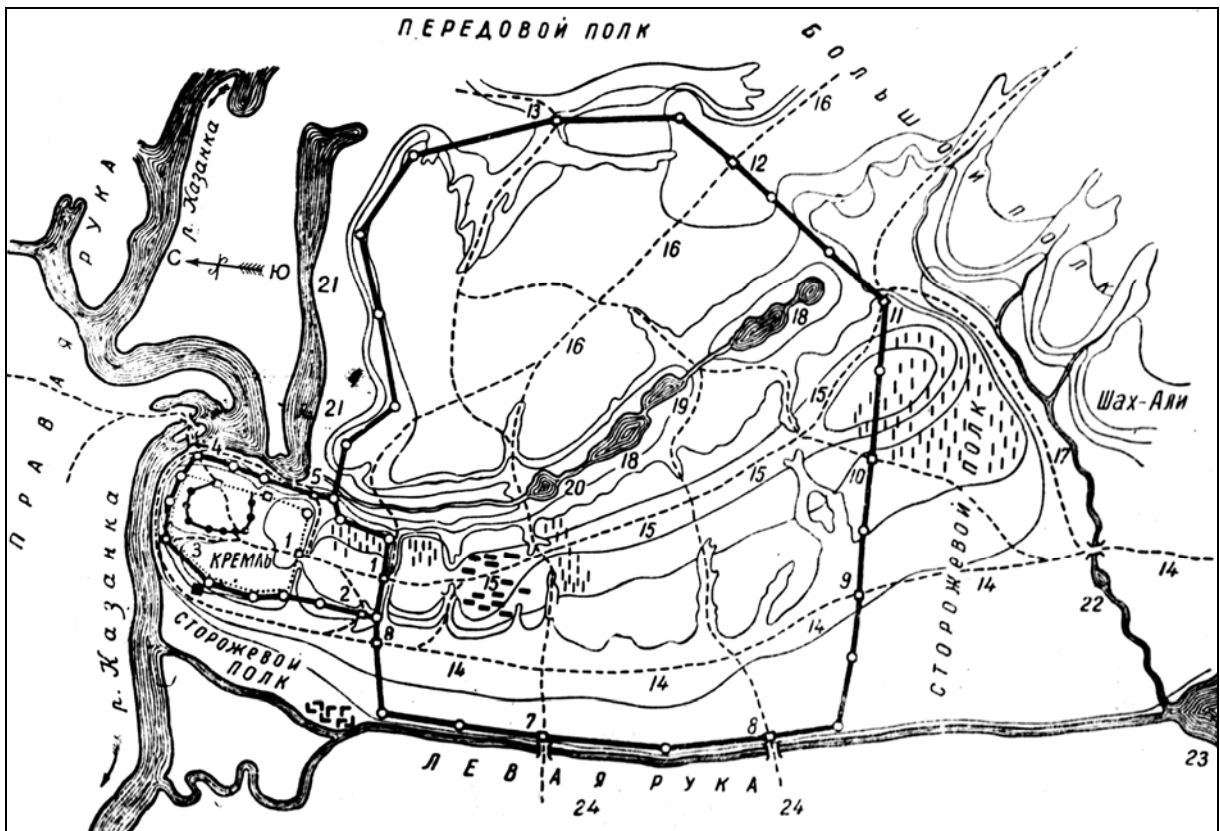
Предложенная схема реконструкции укреплений Казани на рубеже 1552–53 годов предлагает для использования в дальнейших, уже археологических исследованиях данного вопроса.

Список источников и литературы

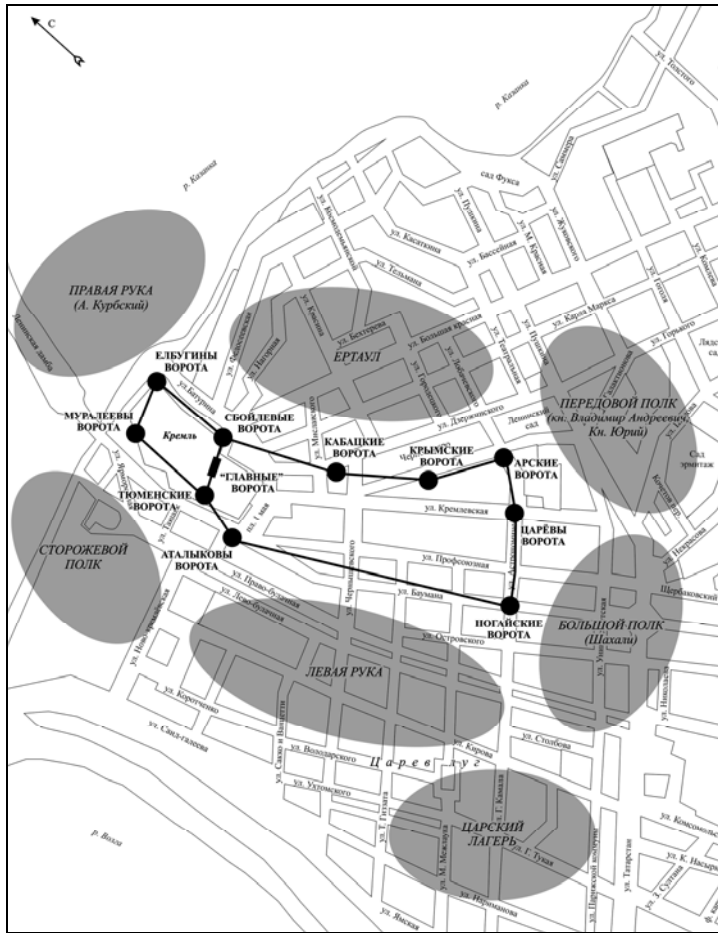
- А-НЛ – Александро-Невская летопись // ПСРЛ. Т.29. М., 1965.
- Богдановский, 1898 – Богдановский М.[А.] Инженерно-исторический очерк осады Казани 7060–7061 гг. СПб., 1898.
- Бороздин, 1929 – Бороздин И.Н. Археологические разведки в Кремле // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. Вып. III. Казань, 1929.
- Дополнения, 1846 – Дополнения к Актам историческим, СПб., 1846. Т.1.
- Елисеев, 1847 – Елисеев Г.З. Жизнеописания святителей Гурия, Германа и Варсонофия, Казанских и Свяжских чудотворцев. Казань, 1847.
- Заринский, 1884 – Заринский П.Г. Топография города Казани в 1552 году, во время осады его русскими войсками // Труды Четвертого Археологического Съезда в России. Т.1. Казань, 1884.
- Заринский. 1877 – Заринский П.Г. Очерки древней Казани преимущественно XVI века. Казань, 1877.
- Калинин, 1955 – Калинин Н.Ф. Раскопки в Казанском кремле в 1953 году // Известия КФАН СССР. Серия гуманитарных наук. Казань, 1955. С.117–138.
- Каштанов, 1973 – Каштанов С.М. Возникновение русского землевладения в Казанском крае. (Документы) // Ученые записки Казанского гос. педагогического ин-та. Вып. 116. Казань, 1973. С.3–35.
- КИот – История о Казанском царстве (основной текст// ПСРЛ. Т.19. СПб., 1903.
- КИрм – История о Казанском царстве (список Румянцовского музея) // ПСРЛ. Т.19. СПб., 1903.
- Кунцевич, 1906 – Кунцевич Г.[З.] Описание города Казани (стен и башен), 1675 г. // ИОАИЭ. Т.22. Вып. 1. Казань, 1906. С.22–33.
- Курбский, 1986 Курбский А.М. История о Великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси (втор. пол. XVI века). М., 1986.
- ЛЛС–21 – Лицевой летописный свод, т. Царственная книга, ок.1564 // Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Книга 21 (1551–1553 гг.). М., 2011;
- Отрывок РЛ – Отрывок Русской (Новгородской) летописи с 1445 по 1553 гг. // ПСРЛ. Т.6. СПб., 1853.
- Пи Лет – Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т.34. М., 1978.
- ПК – Список с писцовых книг по г. Казани с уездом 1566–1568 г. // Писцовое описание Казани и Казанского уезда 1565–1568 годов. Казань, 2006.
- Платон, 1782 – (Платон [Любарский]). Сборник древностей Казанской епархии и других приснопамятных обстоятельств, 1782, Разные известия... // Приложение к «Православному Собеседнику» за 1868 год.
- Повесть – (Ангелов А.?) Повесть, како благочестивый царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси самодержец... врагов своих одоле и град Казань взял, между окт.1552 – сер.1553 // А.Н. Насонов. Новые источники по истории казанского «взятия» // Археографический ежегодник за 1960 год. М., 1962.
- Саначин, 2006 – Саначин С.П. «К вопросу реконструкции фортификации Казани 1550-х годов» // Казань в средние века и раннее новое время. Казань, 2006. С.66–71.
- Саначин, 2010 – Саначин С.П. Городские укрепления на территории Татарстана в описании XVIII века подполковника А.И. Свечина и гипотезы их местоположений // Первые Кремлевские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Региональные аспекты губернских реформ XVIII–XIX веков в России» (20–21.11.2008 г.). Казань, 2010. С.147–160.
- Седов, 1996 – Седов Вл.В. Псковская архитектура XVI века. М., 1996.
- Храпачевский, 2005 – Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. М., 2005.
- ЦК – Царственная книга, ок.1564 г. // ПСРЛ, т.13 (втор. пол.), 1906.

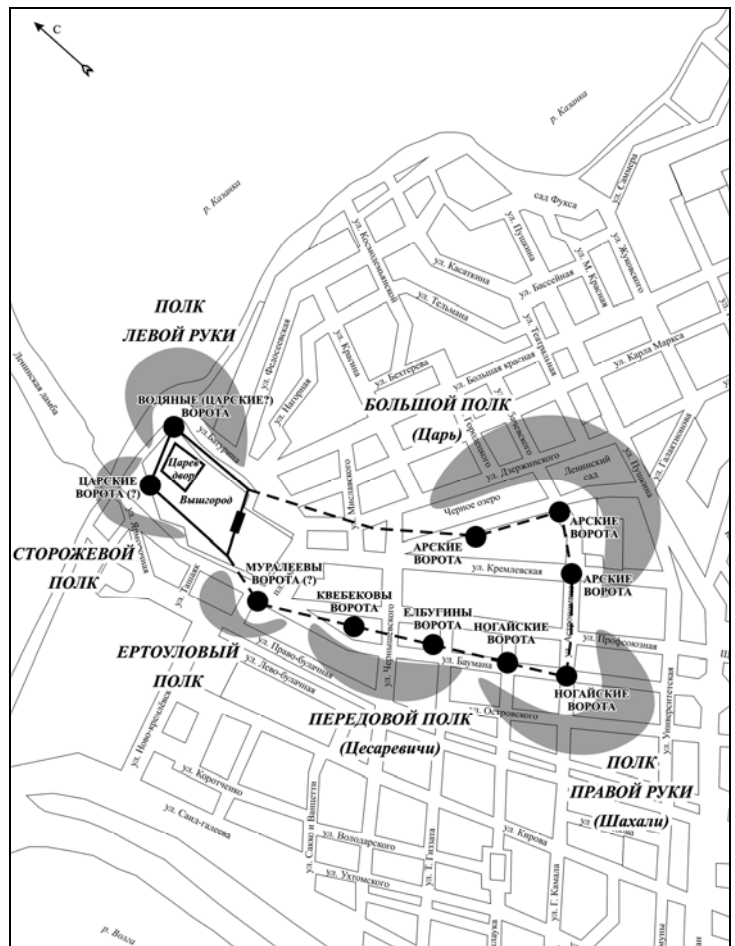
Илл. 1. Пример вариантов реконструкции укреплений Казани с посадскими стенами по обеим сторонам Булака.

Илл. 2. Пример вариантов реконструкции укреплений Казани с посадскими стенами, не переходящими в Забулачье.

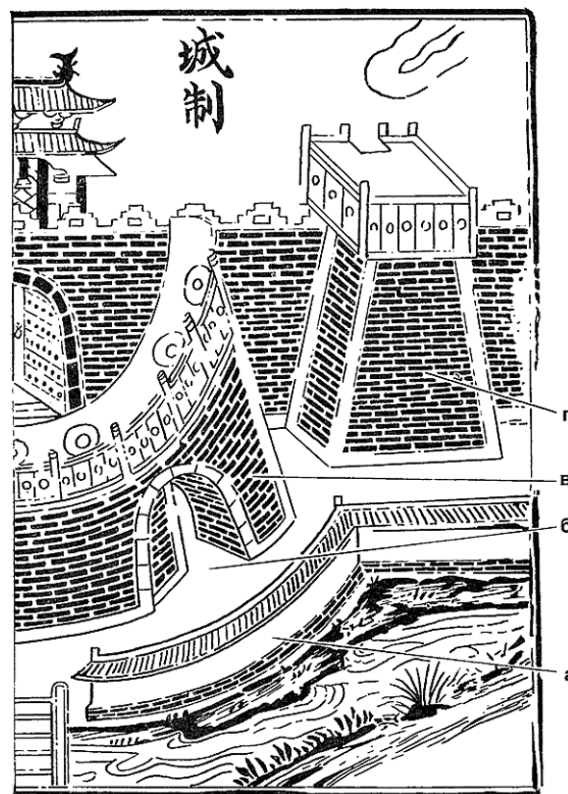

Илл. 3. Варианты реконструкции укреплений Казани с Черноозерской впадиной за пределами посадских стен (Ситдииков А.Г. Некоторые аспекты топографии ханской Казани // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Казань: Фэн, 2002. С. 204–205).

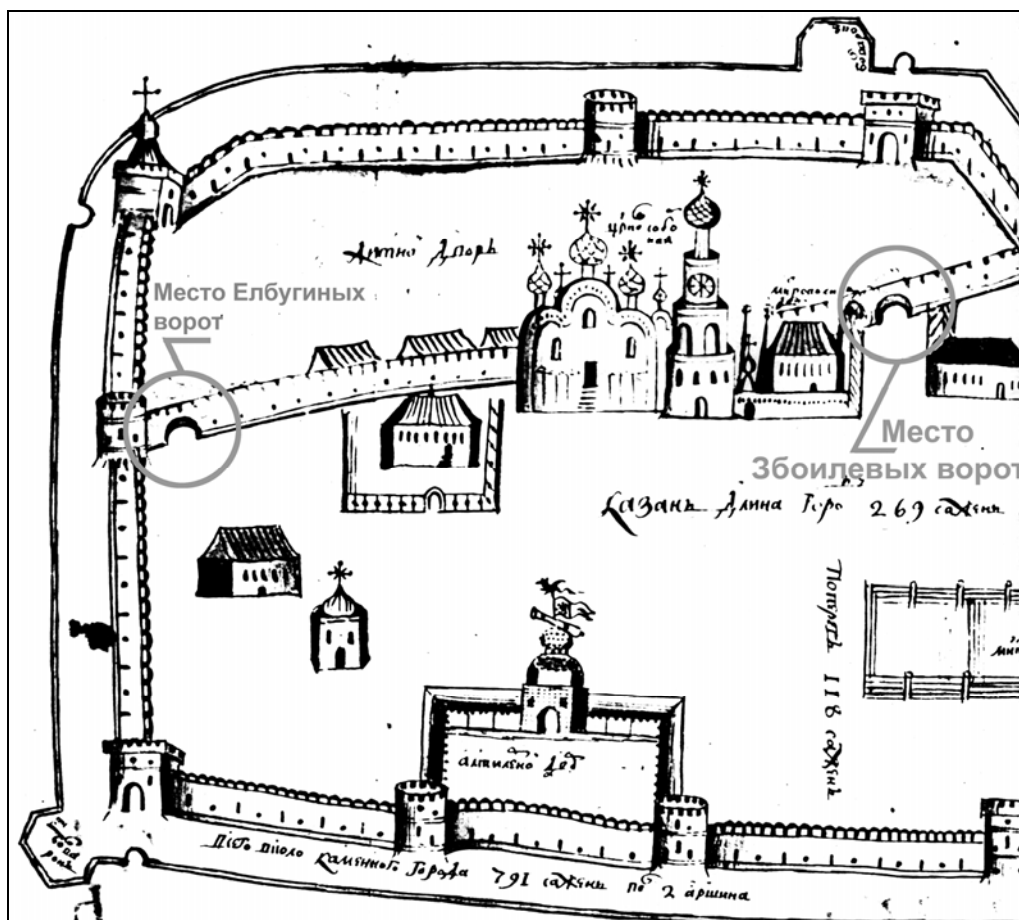

Илл. 4. Всякие ворота крепости были защищены великими тарасами, насыпанными землею (миниатюра Лицевого летописного свода).

Илл. 5. В – предворотная стена (взн чэн) в системе укреплений средневековой китайской городской стены.

Илл. 6. Ворота Казанской крепости 17 века на месте Елбугиных и Збоиловых ворот на «Чертеже Казанском».

Илл. 7. Збоилевые ворота на миниатюре Лицевого летописного свода.

Илл. 8. Крымские ворота на миниатюре Лицевого летописного свода.

Илл. 9. Тройка Арских ворот (Аталыковы, Арские, Царевы) на миниатюре Лицевого летописного свода.

Илл. 10. Закладка за рвом крепости Спасской церкви на миниатюре Лицевого летописного свода.

Экспликация к илл. 11.

№	Объекты защитников Казани		Объекты атакующей стороны и некоторые объекты после 1552 года
1	«Град» (крепость из городней)	№1	Подкоп под ход к тайнику
2	«Царевы ворота» с тарасами	№2	Подкоп под тарасы у Царевых ворот
3	«Арсские ворота» с тарасами	№3	Подкоп под «стрельню на углу» от Поганого озера
4	«Атальковы ворот» с тарасами	№4	Подкоп под «стрельню на углу» от Булака реки
5	«Тюменские ворота» с тарасами	А	Туровые линии
6	«Муралеевы ворота» с тарасами	Б	Крепость из «больших туров Воротынского»
7	«Елбугины ворота» с тарасами	В	«Большие туры», приближенные ко рву
8	«Крымские ворота» с тарасами	Г	«Спасские ворота и церковь»
9	«Збойлевы ворота» с тарасами	Д	«Киприана и Устинии церковь»
10	«Кабачки ворота» с тарасами	Е	«Сергия чудотворца церковь»
11	«Великая вежа» (по Курбскому)	Ж	«Сергиевские ворота»
12	«Стрельня на углу» (2 шт.)	И	«Никольские (Тайницкие 19 в.) ворота»
13	«Арская башня»	К	«Дмитриевские ворота»
14	«Царев двор»	Л	«Город деревянный» (острог посада 17 в.)
15	«Мечеть Кулшериф» (в составе текке)	М	«Башня Тайнишная проезжая» (17 в.)
16	«Мечеть Муралеева» (дюрбе)	Н	«Спаский монастырь»
17	«Мечеть» (дюрбе)	П	«Конюшенный двор» Спасо-Преображенского монастыря
18	«Тезицкий ров»	Р	Ключ
19	«Ров града» («Ров немалый»)		
20	«Даирова баня»		
21	Подземный ход к «тайнику (резервуару) в берегу»		
22	«Угольная вежа» (по Курбскому)		
23	Внутренние тарасы		
24	Мосты и норы (4 шт.)		

С.П. Саначин

КАЗАН ЙОРТЫНЫҢ СОҢҒЫ КӨННӨРЕНДӘ АНЫҢ БАШКАЛАСЫ КИРМӘНЕНЕҢ НЫҒЫТМАЛАРЫ ТУРЫНДА ГИПОТЕЗА

Ачкыч сүзләр: Казан ханлыгы, казан кирмәне, Казанны 1552 елда алу, кирмән капкалары һәм башнялары, турлар, тараслар,

Аннотация. Автор, елъязмаларны, А.Кубский истәлекләрен, 1565–1567 елгы Казан шәһәре жан исәбен алу кенәгәләрен, XVIII гасыр шәһәр планнарын янча укып һәм анализлап, 1552 елны казанлылар фәкәт кирмән диварларын гына саклаганнар, һәм бу вакытка инде шәһәр диварлары юкка чыгарылган булган дигән нәтижә ясый. Мәкаләдә шулай ук авторның казан кирмәне башнялары урнашу реконструкциясе урын алган.

S.P. Sanachin

HYPOTHESIS OF FORTIFICATION OF THE CAPITAL OF THE KAZAN KHANATE ITS LAST DAYS

Keywords: The Kazan khanate, the Kazan fortress, capture of Kazan in 1552, gate of fortress and посад, Tarrasa, rounds.

Annotation. On the basis of new reading and a sopolstavleniye of chronicles, A.Kurbsky's memoirs, pistovoy books of Kazan of 1565–1568, city maps of the XVIII century the author draws a conclusion that in 1552 citizens of Kazan protected actually fortifications and by this time defenders destroyed posadsky walls. Author's reconstruction of an arrangement and localization of towers of the Kazan fortress is also presented in article.

Саначин Сергей Павлович – архитектор-градостроитель (г.Казань).

E-mail: sanachin.sp@gmail.com

Саначин Сергей Павел улы – шәһәр төзүче архитектор (Казан шәһәре).

Sanachin Sergey Pavlovich – architect-town-planner (Kazan).